

Литовская мифология привлекает внимание разных исследователей: языковедов и фольклористов, философов и этнографов, историков искусства и религии. В последние годы опубликован ряд трудов советских и зарубежных ученых по отдельным вопросам литовской мифологии¹. Она широко освещается также в солидном обобщающем труде — двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира» (1980—1982 гг.).

Несмотря на очевидные достижения в изучении литовской мифологии, многие вопросы еще ждут своего решения. До сих пор не выделены отдельные аспекты мифологии, не определено с каких позиций целесообразно подходить к ее изучению представителям различных наук и т. д.

Новая книга Н. Велюса «Мировоззрение древних балтов» — свидетельство того, как много может быть сделано в этой области. Литовская мифология рассматривается в ней в общем балтском контексте, в многообразных ее проявлениях — не столько в традиционных рассказах, сколько в мифологическом мировосприятии, которое находит отражение в самых различных областях духовной и материальной культуры наследников древних балтских племен. Отзвуки мифологического мировосприятия открываются в самых неожиданных явлениях. Высота сундуков для приданого и их декор, орнаменты народной одежды, конструкция орудий обработки льна, типаж ряженных и многие другие составные части комплексов традиционной культуры оказываются связанными с господствовавшими когда-то мифологическими представлениями.

Н. Велюс проделал огромную работу, проанализировав в мифологическом аспекте самые различные источники истории культуры балтов: археологические и этнографические описания, древние хроники, сборники фольклора, картотеку топонимов и т. п. В поисках закономерностей, которые могли бы послужить основанием для реконструкции и материалистической интерпретации мифологических представлений, он ознакомился с основными обобщающими трудами по истории, археологии, этнографии, религии, фольклору, языкознанию, искусству балтских народов.

Книга Н. Велюса, содержащая ряд новых научных гипотез, заложила основы новой дисциплины, которую условно можно назвать диалектологией мифологической культуры древних балтов. Принцип ареального исследования здесь выступает одним из главных. В целом работа написана с учетом достижений науки XX в. и основана на системном анализе. Автор широко использует оппозиции как средство познания системных связей, идет путем, разработанным лингвистами, культурологами и др.

Н. Велюс выбрал несколько наиболее характерных культурных оппозиций: «низ — верх», «запад — восток», «вода — огонь», «камень — дерево», «черное — белое», «ночь — день» и др. Автор, разумеется, был вынужден ограничить число оппозиций. В будущем их набор можно было бы и увеличить, например интересно проследить оппозиции «юг — север», «правое — левое», «мужчина — женщина», «свой — чужой» и т. д. Но и выбранные пары дали Н. Велюсу возможность выявить ареальные различия в мифологии.

В советской науке применение оппозиционного метода исследования для решения различных вопросов мифологии не является новостью. Опираясь на этот метод, изучают древнюю мифологию славян, например, В. В. Иванов и В. Н. Топоров². Н. Велюс также пользуется им. Он выявляет противоположные тенденции в разных областях мифологии: начиная с пантеона древних балтов и календарных обрядов и кончая мифологическим моделированием мира животных и растений, топонимикой и т. п. Автор оригинально подходит к решению вопроса о происхождении ареальных различий. Он предлагает гипотезу, согласно которой мифологическое мировоззрение балтов и их территориальные различия могут быть объяснены, исходя из мифологема «мирового древа», которая в течение столетий определяла модель мира и особенности культуры различных народов.

Руководствуясь марксистской методологией, Н. Велюс стремится дать социальное обоснование мифологическим представлениям балтов и их ареальной дифференциации. По его мнению, мифология жрецов, воинов и земледельцев в разных ареалах играла различную роль. Причины этого явления могли быть заложены в особенностях социальной жизни древних балтов. Поэтому возможно предположение, что мифологические ареальные различия балтов являются своеобразными «социолектами». Правда, автор

¹ См., например: Топоров В. Н. К балто-скандинавским мифологическим связям. — In: *Donum Balticum*. Stockholm, 1970, p. 534—543; Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974; *их же*. Балтская мифология в свете сравнительно-исторических реконструкций индоевропейских древностей. — In: *Zeitschrift für Slawistik*. В., 1974, Bd. XIX, S. 144—156; Gimbutas M. The Lithuanian God Velnias. — In: *Myth in Indo-European Antiquity*. Berkeley, 1974, p. 87—92; Ström Biezais H. Germanische und Baltische Religion. Stuttgart etc., 1975; Jurginis J. Pagonybės ir krikščionybės santykiai Lietuvoje. Vilnius: Mintis, 1976; Vēliū s. N. Mitinės lietuvių sakmių būtybės. Vilnius: Vaga, 1977; Dundulienė P. Medžiai senovės lietuvių tikėjimuose. Vilnius: Mintis, 1979; Greimas A. J. Apie dievus ir žmones: Lietuvių mitologijos studijos. Chicago, 1979; Kosman M. Zmierzch Perkuna czyli ostatni poganie nad Baltykiem. Warszawa, 1981; Иванов В. В., Топоров В. Н. К проблеме лтш. jumis и балтийского близнечного культа. — В кн.: Балто-славянские исследования, 1982, М.: Наука, 1983, и др.

² Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские моделирующие семиотические системы (древний период). М.: Наука. 1965.

подробно не обсуждает этой двойной обусловленности мифологии. Можно допустить, что балты уже в эпоху индоевропейской общности унаследовали упомянутую социальную структуру и ядро мифологического мировосприятия, которое в свою очередь играло существенную роль в организации социальной жизни, в территориальном расположении и мифологическом осмыслении действительности и в более поздние периоды.

При ретроспективном изучении структуры мировоззрения древних балтов предположения о бывших ареалах приходится делать на основе едва заметных различий в форме или в содержании, а еще чаще — в степени яркости признаков. Ведь материал, доступный для анализа и обобщений, в основном относится к позднему времени (XIX—XX вв.) и, следовательно, прошел длительный путь развития. Таким образом, оппозиции нередко выступают перед нами не как взаимоисключающие признаки, а как сосуществующие, различие которых обнаруживается только в частоте (интенсивности, доминировании), иерархическом расположении признаков. Оппозиции — это теоретический постулат, в действительности же в унаследованной культуре последних веков существуют сложные комплексы признаков, явлений. Их ареальные различия порой довольно неясны, о чем красноречиво свидетельствуют таблицы, в которых приведены количественные показатели (см., например, с. 75, 81—82, 172 и т. д.).

Провести исчерпывающие количественные исследования во всех затронутых областях духовной и материальной культуры — задача непосильная для одного ученого. Материал собирался и упорядочивался в течение десятилетий, поэтому его применение в статистических измерениях, дифференцированных ареально, представляет значительные сложности. Н. Велюс делает расчеты лишь на основании отдельных явлений и признаков. В таблицах приведены количественные показатели, в одних случаях подтверждающие выводы автора, в других — противоречащие им, с трудом поддающиеся интерпретации. Возможно, в будущем они, как и более детальное картографирование, внесут существенные коррективы в очертания границ ареалов, помогут выявить почти исчезнувшие тенденции.

В книге Н. Велюса не все одинаково убедительно, не все выводы достаточно глубоко обоснованы. О некоторых из них хочется поспорить с автором. Так, в качестве примера ареальных различий мировоззрения он приводит данные по фольклору, в том числе касающиеся различной распространенности отдельных его видов и жанров в конкретных этнографических зонах (с. 73). В работе утверждается, что для восточного ареала характерно господство песенных традиций, для среднего — сказочных, а для западного — известное доминирование загадок. Это утверждение выглядит преждевременным, так как вопрос еще недостаточно разработан. Приводимые автором аргументы мифологической интерпретации этого явления относятся к различным эпохам. В одном случае Н. Велюс исходит из этимологии слова *daina*, в другом — опирается на поздние реинтерпретации, возникшие при столкновении языческого мировосприятия с христианским (например, загадки загадывает черт). Вообще, вряд ли можно оперировать суммарными данными сказок и песен при выявлении различий в мировоззрении древних балтов: уж очень разные жанры кроются под этими обобщенными понятиями. Что касается древнейшего вида литовского песенного творчества — *sutartinės*, то границы его распространения не совпадают с границами восточного ареала. Натянутым выглядит и соотношение песни преимущественно лишь с правыми полюсами оппозиций (например, с днем, летом (с. 68) и т. д.).

При изучении указанной проблемы неизбежно возникают трудности классификационного характера. Автор выделяет ареалы и обозначает их иначе, чем это диктуется традицией (восточный, средний, западный). И все же ему часто приходится ссылаться на обобщения, сделанные другими исследователями, оперирующими этнографическими или диалектными классификациями. Это приводит к некоторой неточности в суждениях. Например, один из ареалов назван восточным, в то время как он лежит на юго-востоке, охватывая и Дзукию (с. 16).

Хочется верить, что гипотезы, выдвинутые Н. Велюсом, послужат импульсом к новым исследованиям. С ними будут спорить, в будущем одни из них могут быть уточнены, другие — опровергнуты. Вместе с тем его книга показала, насколько плодотворно комплексное, системное изучение традиционной культуры.

Л. И. Саука

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

И. Н. Соломоник. Традиционный театр кукол Востока. М.: Наука, 1983. 184 с.

Автор книги — известная советская исследовательница театра кукол, посвятившая немало работ традиционным формам этого вида искусства у народов Азии¹. Обычно книга, особенно первая книга, — это обобщение публикаций более частного характера.

¹ Часть работ опубликована в журнале «Сов. этнография», см.: Проблемы анализа народного театра кукол (1978, № 6); Язык силуэта яванских ваянгов (1979, № 3); Кукольные традиции Востока и современный театр (1980, № 6); Традиционный театр перчаточной куклы в Китае (1985, № 5).